

базе греко-латинских и общеевропейских культурно-языковых отношений Г. Кахане. Усвоение авторитетного культурного языка мотивировано приобретением образования и культуры. Распространение литературных клише, всевозможных семантических и словообразовательных калек, одинаковых или близких принципов метафоризации, а тем самым и концептуализации — это далеко не полный перечень видов воздействия авторитетного культурного языка. В общем оказывается реальным говорить о европейском языковом союзе, что делает понятным создание, например, известного «Лингвистического атласа Европы». Одно из первых проявлений наличия языкового союза, очевидных, что называется, для обывателя, — это относительная *легкость перевода* с языка на язык, обусловленная выработкой общего фонда приведенных выше и других черт.

Материал языков нашей страны эпизодически использовался для постановки вопроса о языковых союзах, например языков Поволжья, далее — европейского языкового союза, как было сказано кратко выше; но эти идеи были либо обращены в прошлое, либо ограничивались локальным регионом, как в случае с современными пограничными балто-славянскими языковыми отношениями. Однако до сих пор оставалось в сущности не раскрытым наличие и функционирование языкового союза в масштабах всей нашей страны с русским как главным культурным языком. Этот последний языковой союз (если говорить о его возрасте и вместе с тем о типологии) сложился, видимо, еще в границах старой России и оказался весьма жизнеспособным, не в последнюю очередь, вероятно, в силу государственных, политических условий.

Вышеназванная роль русского языка как наиболее многофункционального языка культуры непротиворечиво объясняет то смущающее некоторых обстоятельство, почему при межъязыковых отношениях в стране русский — преимущественно дающий, а не берущий, не заимствующий язык. Именно теория языкового союза, кажется, помогает обезоружить тех оппонентов, которых страшит опасность ассимиляции, русификации. Не видеть пользы в этой идее может только очень предубежденный или совершенно не разбирающийся в деле человек. Воздействие авторитетного языка переходит в воздействие культуры и наоборот. Еще до революции, как известно, началось распространение русских антропонимических моделей — фамилий на *-ов* и др. — в иноструктурных языках и культурах нашей страны.

Проблематика языкового союза в масштабах нашей страны в сущности интердисциплинарна. Она относится к лингвистической географии, этнолингвистике, социолингвистике (если ограничиться только лингвистическими дисциплинами). Все эти дисциплины у нас есть, жаль только, что они не обратили еще необходимого внимания на данную насущную проблему нашей науки и даже больше — нашей жизни.

В свете того, что объективно известно о национально-русском двуязычии, мысли о сложении языкового союза, ориентированного на современную книжно-письменную культуру с ведущей ролью русского языка и преимущественными влияниями в лексике и, вероятно, в синтаксисе, отнюдь не кажутся противоестественными, скорее — наоборот. Обратное, национальное влияние существенно сдерживается, кроме моментов, относящихся к специфике такого явления, как языковой союз, отсутствием равнозначных локальных вариантов русского литературного языка (разговоры о таких вариантах русского литературного языка не реалистичны). Означенные национальные влияния на русский оседают поэтому на периферии, в местной русской речи, в произведениях, текстах с местной тематикой, обеспечивая в них, как это понятно, только *couleur locale*. Очевидно, все это еще подлежит изучению, и все же один типичный пример пояснит действительное положение. Общеизвестный, казалось бы, элемент из тюркских языков — слово *аксакал* — отсутствует в толковых словарях русского литературного языка, и это не случайный пропуск: